

Изра

I

Перед ними на полу были разостланы ковры всех цветов и узоров; на двух, брюссельских, они уже с самого начала остановили свой выбор, но манили и другие — яркие, пышные; трудно было не поддаваться соблазну, однако высокая цена отпугивала. Заведующий отделом оказал им честь — сам занимался с ними; впрочем, она отлично знала, что делал он это ради одного Джо, — недаром мальчишка-лифтер даже рот разинул и, пока они подымались на верхний этаж, не сводил с него восхищенного взгляда. С таким же благоговением смотрели на Джо ребята и подростки, когда ей случалось проходить с ним по улицам своего квартала, в западной части города.

Заведующего отделом позвали к телефону, и борьба между желанием купить ковер понаряднее и страхом истратить слишком много денег уступила в ее душе место другим, более тревожным мыслям.

— Не могу понять, Джо, что ты в этом находишь хорошего, — сказала она негромко, но настойчиво, видимо, продолжая недавний, ни к чему не приведший спор.

Его полудетское лицо омрачилось, но только на одно мгновение, и тут же снова просияло нежностью. Он был очень молод, почти мальчик, а она почти девочка — два юных создания на пороге жизни, выбирающие ковры для украшения своего гнездышка.

— Стоит ли волноваться? — сказал он. — Ведь это в последний раз, в самый, самый последний раз.

Он улыбнулся ей, но она подметила невольно вырвавшийся у него едва уловимый вздох сожаления, и сердце ее сжалось; из чисто женской потребности нераздельно владеть своим возлюбленным она боялась его пристрастия к тому, что было ей непонятно, а в его жизни занимало такое большое место.

— Ты же знаешь, встреча с О'Нейлом оплатила последний взнос за дом моей матери, — продолжал он. — С этой заботой покончено. А за сегодняшнюю встречу с Понтой я получу приз — сто долларов, понимаешь, целых сто долларов! Это пойдет нам на устройство.

Она отмахнулась от денежных расчетов.

— Но ты любишь этот свой ринг. Почему?

Он был не мастер выражать мысли словами. На работе руки заменяли ему слова, а на ринге за него говорило его тело, игра мускулов, — словами же он не мог объяснить, почему его так неудержимо влечет на ринг. Однако он попытался это сделать и нерешительно, сбивчиво начал говорить о том, что он испытывает во время состязания, особенно в минуты наивысшего напряжения и подъема.

— Могу тебе сказать только одно, Дженеьева: лучше нет, как стоять на ринге и знать, что противник у тебя в руках. Вот он нацеливается, то правой, то левой, а ты каждый раз закрываешься, увертываешься. А потом так дашь ему, что он зашатается и обхватит тебя и не пускает, а судья оторвет его, и тогда ты можешь покончить с ним, а публика вопит, себя не помня, и ты знаешь, что победил, что дрался честно, по всем правилам, а победил потому, что лучше умеешь драться. Понимаешь, я...

Он запнулся, испуганный собственным многословием и страхом, промелькнувшим в глазах Дженеье-

вы. Слушая Джо, она пристально вглядывалась в него, и на ее лице все сильнее проступало выражение мучительной тревоги. Описывая ей эти величайшие минуты своей жизни, Джо мысленно видел перед собой сраженного его ударом противника, огни ринга, бешено аплодирующих зрителей — и Дженестьева чувствовала, что Джо уходит от нее, унесенный потоком этой непонятной ей жизни. Против этого грозного, неудержимого потока бессильна была вся ее беззаветная любовь. Тот Джо, которого она знала, отступил, растворился, пропал. Исчезло милое мальчишеское лицо, ласковый взгляд, изогнутая линия рта с приподнятыми уголками. Перед ней было лицо взрослого мужчины, лицо, словно отлитое из стали, застывшее и неумолимое; губы сомкнулись, как стальные створки капкана, широко раскрытые глаза глядели холодно и зорко, отсвечивая стальным блеском. Это было лицо мужчины, а она знала только лицо юноши. Таким она видела его впервые.

Ей стало страшно, и все же она смутно почувствовала, что гордится им. Его мужественность — мужественность самца-победителя — не могла не взволновать ее женское естество, не могла не разбудить в ней извечное стремление женщины найти надежного спутника жизни, опереться о каменную стену мужской силы. Она не понимала страсти, владевшей им, но знала, что даже любовь не излечит его; тем сладостней была мысль, что ради нее, ради их любви он сдался, уступил ее желанию, отказался от любимого дела и сегодня выступает на ринге в последний раз.

— Миссис Силверстайн говорит, что терпеть не может бокса, что ничего хорошего в нем нет, — сказала Дженестьева. — А она женщина умная.

Он снисходительно улыбнулся, пряча уже не раз испытанную обиду: больно было сознавать, что Дже-

невьева отвергает именно то в его натуре и в его жизни, чем он сам больше всего гордился. На ринге он достиг успеха, славы, достиг своими силами, ценой напряженного труда, и именно это и только это он с гордостью положил к ногам Дженевьевы, когда добивался ее любви, когда предложил ей всего себя — все, что в нем было лучшего. В своем мастерстве боксера он видел величайший и прекраснейший залог мужественности, какого ни один мужчина не мог бы предьявить, и это, по его мнению, давало ему право домогаться Дженевьевы и обладать ею. Но она не поняла его тогда и теперь не понимала, и он только удивлялся: что же она нашла в нем, почему удостоила его своей любви?

— Миссис Силверстайн просто дуреха и старая брюзга, — сказал он беззлобно. — Что она понимает? Поверь мне, в этом спорте очень много хорошего. И для здоровья полезно, — добавил он, подумав. — Посмотри на меня. Ведь я должен жить очень чисто, если хочу быть в форме. Я живу чище, чем миссис Силверстайн или ее старик и вообще все, кого ты знаешь. Я соблюдаю режим: душ, обтирание, тренировка, здоровая пища, — все по часам, и никакого баловства. Я не пью, не курю — словом, не делаю ничего такого, что могло бы повредить мне. Да я живу чище, чем ты, Дженевьева... — Заметив, что она обиженно поджала губы, он поспешил добавить: — Честное слово! Я же говорю не про мыло с водой, а вот посмотри. — Он бережно, но крепко сжал ее руку повыше локтя. — Ты вся мягкая, нежная. Не то что я. На, пощупай.

Он прижал кончики ее пальцев к своему бицепсу, такому твердому, что она сморщилась от боли.

— И весь я такой, — снова заговорил он. — Твердый и упругий. Это я называю чистый. Каждая жилка, каждая капля крови, каждый мускул — все чисто до самых костей, и кости чистые. Это не то что про-

сто вымыть кожу водой и мылом, это значит быть чистым насквозь. Уверяю тебя, я это чувствую, ощущаю всем телом. Когда я утром просыпаюсь и иду на работу, вся кровь моя, все жилки мои точно кричат, что они чистые. Ах, если бы ты знала...

Он умолк, оборвав на полуслове, окончательно смущенный столь необычным для него потоком красноречия. Никогда еще он не выражал свои мысли с таким волнением, но и столь серьезных причин для волнения у него никогда не было. Ведь Джениевьева неодобрительно отозвалась о боксе, усомнилась в достоинствах самой Игры, прекраснее которой для Джо не было ничего на свете до самого того дня, когда он случайно забрел в кондитерскую Силверстайна и образ Джениевьевы внезапно вошел в его жизнь, затмив все остальное. Он уже понимал, хоть и смутно, что есть какое-то непримиримое противоречие между женщиной и призванием, между любимым делом и тем, чего женщина требует от мужчины. Но он не умел делать обобщающих выводов. Он видел только вражду между реальной, живой Джениевьевой и великой, вдохновляющей, но бесплотной Игрой. Обе они восставали друг против друга, обе предъявляли на него права: он разрывался между ними, но окончательного выбора не делал и беспомощно плыл по течению.

Джениевьева слушала взволнованные слова Джо, пристально глядела на него и невольно любовалась его чистым лицом, ясными глазами, гладкой и нежной, точно девичьей, кожей. Она не могла не признать убедительности его доводов, но это только сердило ее. Она безотчетно ненавидела эту его Игру за то, что она отрывала от нее Джо, похищала какую-то часть его. Это была соперница, которую она не могла постичь. Она не понимала, в чем ее обаяние. Если бы речь шла о какой-нибудь другой девушке, все было бы ясно, на помощь ей пришли бы знание, догадка, проницатель-

ность. Но здесь был враг неосязаемый, непостижимый, она ничего о нем не знала и боролась с ним ощупью, в потемках. Она чувствовала, что в словах Джо есть доля правды, и от этого враг казался еще более грозным.

Внезапно Дженевьеву охватило горестное сознание своего бессилия; она хотела, чтобы Джо безраздельно принадлежал ей, этого требовала ее женская природа, а он отстранялся, выскальзывал из объятий, которыми она тщетно пыталась удержать его. От жалости к самой себе слезы выступили у нее на глазах, губы задрожали, и сразу поражение обернулось победой: всемогущая Игра отступила перед неотразимой силой женской слабости.

— Не надо, Дженевьева, не плачь, — просил он покаянно, хотя каяться ему было не в чем. Его мужской ум отказывался понять ее горе, но она плакала — и все остальное забылось.

Она улыбнулась ему сквозь слезы, в ее глазах он прочел прощение, и, хотя он не знал за собой вины, сердце его растаяло. Он хотел сжать ее локоть, но она отняла руку и чинно выпрямилась. Однако улыбка ее засияла еще ярче.

— А вот и мистер Клаузен, — сказала она и, с чисто женским искусством скрывая волнение, взглянула на заведующего отделом сухими, ясными глазами.

— Вы, верно, заждались меня, Джо? — сказал заведующий, подвижной румяный человечек с маленькими веселыми глазками и густыми, солидными бакенбардами. — Ну так как же? — оживленно заговорил он. — На чем вы остановились? Нравится вам этот ковер? Миленький узор, не правда ли? Да, да, я все понимаю. Сам обзаводился домком, когда получал всего четырнадцать долларов в неделю. Но ведь хочется самое лучшее для своего гнездышка, верно? Ну, конечно, еще бы! А ведь всего-то на семь центов доро-

же. И опять-таки, имейте в виду, дорогую вещь всегда выгодней покупать, чем дешевую. Знаете что, Джо, — заведующий в порыве великодушия доверительно понизил голос, — я пойду вам навстречу, но это только для вас: я готов скинуть пять центов. Но очень, очень прошу, — добавил он с видом заговорщика, — никому не говорите, сколько вы заплатили.

После того как Джо и Дженестьева, посоветовавшись, объявили о своем решении, заведующий сказал:

— Все будет запаковано, обшито и доставлено вам на дом, это, само собой, входит в оплату. Ну а когда новоселье? Скоро вы расправите крылышки и улетите? Завтра? Уже завтра! Чудесно, чудесно!

Он от восторга закатил глаза, потом с отеческой нежностью улыбнулся им.

Джо сдержанно отвечал на вопросы заведующего, а Дженестьева слегка покраснела; им обоим этот разговор показался неуместным. Не потому, что он нарушал мещанские представления о приличиях, но он касался их личных, сокровенных чувств; против поведения заведующего восставали стыдливость и целомудрие, присущие рабочему человеку, когда он стремится к достойной жизни и нравственной чистоте.

Мистер Клаузен проводил их до лифта, сладко улыбаясь и поглядывая на них с благосклонным умилением, меж тем как все приказчики, словно по команде, поворачивали голову и смотрели вслед стройной фигуре Джо.

— А сегодняшняя встреча, Джо? — озабоченно спросил мистер Клаузен, пока они ждали лифта. — Как ваше самочувствие? Справитесь?

— Конечно, — ответил Джо. — Самочувствие отличное.

— В самом деле? Превосходно! Я, видите ли, подумал было... накануне свадьбы, и все такое... ха! ха!..

можно и сдать немного... нервы опять-таки. Ничего удивительного, сам был женихом когда-то. Но вы в форме? Ну ясно, незачем и спрашивать, и так видно... Ха! ха! Ну, желаю удачи, сынок! Не сомневаюсь в успехе, ни капельки не сомневаюсь. Ваша возьмет!

— До свидания, мисс Причард, — обратился он к Дженеувьеве, галантно подсаживая ее в лифт. — Не забывайте нас. Всегда буду вам рад, искренне рад.

— Все называют тебя Джо, — укоризненно сказала она, спускаясь с ним в лифте. — Почему не мистер Флеминг? По-моему, это как-то даже неприлично.

Но он задумчиво смотрел на мальчишку-лифтера и, видимо, не слышал ее.

— Что с тобой, Джо? — спросила она с той нежной лаской в голосе, которая всегда обезоруживала его.

— Так, ничего, — ответил он. — Просто я думал о том, как мне хотелось бы...

— Хотелось бы... чего? — Голос ее звучал вкрадчиво, а глаза глядели так проникновенно, что никто не устоял бы перед ее взглядом, но Джо все еще смотрел в сторону.

Потом, решительно взглянув ей в лицо, он проговорил:

— Мне хотелось бы, чтобы ты хоть раз увидела меня на ринге.

Она с отвращением передернула плечами, и его лицо омрачилось. Ее кольнула мысль, что соперница стала между ними и увлекает Джо прочь от нее.

— Я... я бы с удовольствием... — торопливо проговорила она, делая над собой усилие и пытаясь выказать ему то горячее сочувствие, которым женщина побеждает даже сильнейших мужчин и которое заставляет их доверчиво класть голову на женскую грудь.

— Правда? Ты согласна?

Джо пристально посмотрел ей в глаза. Дженестьева поняла его волнение: он словно бросал ей вызов, измерял силу ее любви.

— Это была бы самая счастливая минута моей жизни, — сказал он просто.

Что заставило Дженестьеву принять это внезапное решение? Прозорливость любящего сердца, желание выказать Джо то участие, которого он у нее искал, потребность увидеть соперницу лицом к лицу, дабы понять, в чем ее сила? Или, быть может, властный зов неведомого мира вторгся в тесные пределы ее однообразной, будничной жизни? Так или иначе, но она почувствовала прилив неведомой доселе отваги и сказала так же просто, как и он:

— Согласна.

— Я не думал, что ты согласишься, а то, пожалуй, не рискнул бы просить тебя, — сознался он, когда они вышли из магазина.

— А разве нельзя? — спросила она с тревогой, боясь, как бы ее решимость не остыла.

— Да нет, я могу это устроить. Но я никак не думал, что ты согласишься. Никак не думал, — все еще не оправившись от изумления, повторил он, уже подсадив ее в трамвай и доставая из кармана мелочь на билеты.

II

В рабочей среде, к которой принадлежали и Дженестьева и Джо, они были своего рода аристократами. Они сумели сохранить душевное здоровье и чистоту вопреки окружавшим их убожеству и грязи. Чувство собственного достоинства, тяга к благопристойному, более утонченному укладу жизни заставляли их чуждаться людей своего круга. Они нелегко заводили зна-

комства, и ни он, ни она никогда не имели близкого, закадычного друга, с которым делишься всем. А между тем оба они были общительного нрава и не сходились ни с кем только потому, что дружба с людьми казалась им несовместимой с чистотой и добропорядочностью.

Трудно было бы найти другую работницу, которая жила бы такой замкнутой, обособленной от внешнего мира жизнью, как Дженеваева. Грубость, даже жестокость окружающей среды не коснулись ее. Она видела лишь то, что хотела видеть, — а хотела она видеть только хорошее — и уверенно, без всяких усилий избегала всего уродливого и пошлого. К уединению она привыкла с малых лет. Дженеваева была единственным ребенком в семье, и вместо того, чтобы играть и резвиться на улице с соседскими детьми, она ухаживала за больной матерью. Отец, конторский служащий, слабогрудый, худосочный, был человек очень добрый и большой домосед, так как по врожденной робости всегда чуждался людей. Благодаря ему в их маленьком семействе всегда царили мир и ласковое внимание друг к другу.

В двенадцать лет Дженеваева осиротела. Прямо с похорон отца она пошла к Силверстайнам и поселилась в их квартире над кондитерской; старики обходились с ней хорошо, кормили и одевали, а она помогала им за прилавком. Силверстайны особенно дорожили Дженеваевой потому, что она могла сидеть в лавке по субботам, когда их вера запрещала им работать.

И здесь, в этой тихой лавчонке, протекли шесть лет ее отрочества. Знакомых у нее почти не было. Подруг Дженеваева не заводила: она так и не встретила девушки, с которой ей хотелось бы сойтись. Гулять по вечерам с парнями своего квартала, как это делали все девчонки, едва им минет пятнадцать лет, она тоже

не желала. «Вот кукла надутая», — говорили про нее девушки, но все же относились к Дженеьеве с уважением, хотя и недолюбливали ее за красоту и высокомерие. «Персик» — называли ее молодые люди, но лишь вполголоса и когда поблизости не было подружек, чей гнев они боялись навлечь на себя; никому из них и в голову не приходило знакомиться с Дженеьевой — они смотрели на нее с благоговейным трепетом, как на высшее существо, наделенное таинственным очарованием и для них недостижимое.

Дженеьева и в самом деле была красавица. Коренная американка, она, как это иногда случается в рабочей среде, неожиданно расцвела, словно прелестный редкостный цветок, чудом выросший на скудной, негостеприимной почве. Все в ней было прелестно: и нежный румянец, благодаря которому она заслужила прозвище «персик», и правильные, точеные черты, и девичья грация. Голос у нее был тихий, движения неторопливые, держалась она просто и с большим достоинством; обладая врожденным вкусом, она умела принарядиться, и все, что бы она ни надела, казалось красивым и шло к ней. И притом она была очень женственна, кротка и привязчива, и в ней уже угадывалось тлеющее пламя любви будущей жены и матери. Но эти затаенные чувства долгие годы дремали в ее душе, дожидаясь появления избранника.

И вот однажды, жарким субботним днем, в кондитерскую Силверстайна зашел Джо поесть мороженого. Дженеьева не обратила на него внимания, так как была занята с другим покупателем; мальчуган лет шести-семи стоял перед прилавком и, боясь ошибиться в выборе, сосредоточенно изучал разложенные под стеклом чудеса кондитерского искусства, увенчанные соблазнительной надписью: «Пяток за пять центов».

Она слышала, как вошедший сказал: «Мороженое с содовой, пожалуйста», и спросила: «Какого моро-

женого вы хотите?», не видя лица посетителя. Вообще не в ее обычае было присматриваться к молодым людям. Ей чудилось в них что-то странное и непонятное. Взгляды их почему-то смущали ее, и они ей не нравились: она находила их грубыми и неотесанными. Об этой стороне жизни она еще никогда не задумывалась. Молодые парни, которых ей приходилось видеть, ничем не привлекали ее, она просто не замечала их. Словом, если бы Дженевьеву спросили, для чего на земле существуют мужчины, она не нашлась бы что ответить.

Накладывая в стаканчик мороженое, она случайно взглянула на Джо, и ей сразу понравилось его лицо. Почти в то же мгновение он посмотрел на нее, и она, опустив глаза, подошла к сифону с содовой. Наполняя бокал, Дженевьева опять невольно оглянулась на молодого человека, но только на одну секунду, потому что взгляд его искал ее взгляда, а на лице было написано столь неподдельное восхищение, что Дженевьева поспешила отвернуться.

Ее удивило, что какой-то чужой мужчина может так понравиться ей. «Хорошенький мальчик», — подумала она простодушно, безотчетно пытаясь отмахнуться от притягательной силы, которую трудно было объяснить одной приятной наружностью. «Впрочем, нет, он вовсе не хорошенький», — сказала она себе, когда, поставив перед ним мороженое и получив в уплату серебряную монетку, в третий раз встретилась с ним глазами. Запас слов ее был невелик, и она не слишком хорошо умела их подбирать, но, взглядевшись в энергичное, мужественное лицо молодого человека, она поняла, что «хорошенький» не то слово.

«Значит, он красивый», — догадалась она, снова опуская глаза под его взглядом. Но всех мужчин, которые были хороши собой, называли красивыми, и это слово тоже не понравилось ей. Однако, как бы его ни

назвать, смотреть на него было приятно, и Дженевьева не без досады заметила, что ей стоит усилий не глядеть в его сторону.

А Джо? Никогда еще не видел он такой красивой девушки, как эта продавщица за прилавком. Будучи более сведущ в законах природы, чем Дженевьева, он не задумываясь ответил бы на вопрос, для чего на земле существуют женщины, однако в своем представлении о мире он не отводил им никакого места. Он так же мало задумывался о женщинах, как Дженевьева о мужчинах. Но теперь он задумался об одной из них, и эта женщина была Дженевьева. Ему и не снилось, что женщина может быть так прекрасна; словно зачарованный, смотрел он на Дженевьеву, но когда их взгляды встречались, ему становилось не по себе и хотелось отвернуться, но она сама мгновенно опускала глаза.

Когда же она наконец медленно подняла ресницы и поглядела на него в упор, он первый отвел глаза и щеки его залила краска. Если Дженевьева и испытывала некоторое смущение, она ничем не выдала себя. Правда, сердце у нее замирало от какого-то нового, еще никогда не изведенного чувства, но внешне она сохраняла обычную невозмутимость. Джо, напротив, был явно растерян и трогательно неловок.

Ни он, ни она не знали, что такое любовь, и только чувствовали неодолимое желание смотреть друг на друга. Оба были смущены и взволнованы, их неудержимо влекло друг к другу, словно два химических элемента, стремящихся к соединению. Джо долго сидел над стаканом с мороженым, вертел в руках ложку, краснел и бледнел, не в силах уйти; она говорила с ним тихим голосом, скромно опуская глаза, и совсем околдовала его.

Но нельзя же до бесконечности сидеть над стаканом с мороженым, а спросить еще порцию он не ре-

шился. И так, он ушел и зашагал по улице, ничего не видя вокруг, точно лунатик, а она осталась в лавке, грезя наяву. Дженестьева промечтала весь день до вечера и поняла, что влюбилась. С Джо было иначе. Он знал только, что ему хочется еще раз увидеть ее, посмотреть ей в лицо. Ни о чем другом он не думал, да и это, в сущности, было не мыслью, а лишь смутным, неосознанным желанием.

Но желания этого Джо побороть не мог. День и ночь оно томило его; тесная кондитерская и девушка за прилавком неотступно стояли у него перед глазами. Он старался отогнать это видение. Ему было и страшно и стыдно зайти еще раз в кондитерскую. Он хитрил с самим собой и утешался тем, что он «не дамский угодник». Не раз и не два — десятки раз твердил он про себя эти слова, но все было тщетно: не прошло и пяти дней, как он вечером, после работы, снова заглянул в кондитерскую Силверстейна. Он постарался войти очень свободно и естественно, но видно было, что ноги ему не повинуются, и только огромным усилием воли он заставил себя переступить порог. Робость, неловкость сковали его еще сильнее, чем в первое посещение. Дженестьева, напротив, казалась такой же спокойной, как всегда, хотя сердце у нее бешено колотилось. У Джо язык прилип к гортани, он едва мог выговорить: «Пожалуйста, мороженое с содовой». Отчаянно торопясь, то и дело поглядывая на часы, он проглотил свою порцию и обратился в бегство.

Дженестьева чуть не заплакала от обиды. Какая жалкая награда за четыре дня ожидания! А ведь она уже знала, что полюбила его. Конечно, он славный мальчик, очень даже славный, но неужели он не мог посидеть еще немножко? А Джо не успел дойти до угла, как его снова потянуло к ней. Ему захотелось еще раз увидеть ее. Он сначала не задумывался над тем, влюблен ли он. Любовь? Это когда парни и девушки

вместе гуляют. А он... Но тут желание видеть Дженеьеву подсказало ему, что именно этого и нужно добиваться. Он хочет быть с ней, смотреть на нее, а когда же это можно сделать лучше, как не во время прогулки вдвоем? Так вот почему молодежь гуляет парочками! И чем ближе подходила суббота, тем чаще у него мелькала эта мысль. Раньше он думал, что такие прогулки просто условность, что-то вроде обряда, который предшествует бракосочетанию. Теперь он понял более глубокий смысл этого обычая, сам стремился перенять его, — следовательно, он влюблен. Итак, оба они пришли к одному и тому же выводу, и кончилось это так, как только и могло кончиться: к великому изумлению всего квартала, Дженеьева вышла на прогулку в сопровождении Джо.

Оба они были скупы на слова, и потому сближение их протекало медленно. На его ухаживание она отвечала сдержанно, и только глаза ее сияли любовью. Впрочем, она стыдливо погасила бы и этот предательский огонек, если бы знала, что он красноречивее слов выдает ее чувства. Не скоро начали они называть друг друга «дорогой», «любимая» — такое обращение казалось им чудовищно нескромным; да и позднее Джо и Дженеьева, не в пример другим влюбленным, не злоупотребляли признаниями в любви. Долгое время они довольствовались тем, что гуляли вдвоем по вечерам или сидели на скамейке в городском саду. Говорили они мало; им случалось по часу не перемолвиться ни словом — они только глядели друг другу в глаза, не испытывая при этом ни робости, ни тревоги, потому что при слабом свете звезд не могли прочесть во взглядах ничего, что нарушило бы их душевный покой.

Ни один рыцарь не мог бы оказывать своей даме больше внимания, чем Джо оказывал Дженеьеве. Когда они шли по улице, он неуклонно держался края

тротуара — где-то он слышал, что так полагается, — а перейдя на другую сторону улицы, тотчас обходил Дженьевьеву сзади и опять шел с краю. Он носил ее свертки и однажды, когда они гуляли в ненастную погоду, даже взял у нее из рук зонтик. Он не знал, что существует обычай посылать даме своего сердца цветы, и вместо цветов посылал фрукты. В фруктах он видел пользу: они вкусные. О цветах он ни разу не подумал, пока не увидел розу в ее волосах. Он не мог оторвать глаз от бледно-алого цветка, потому что он украшал головку Дженьевьевы, потому что она сама выбрала его и воткнула в волосы. Это заставило его пристально разглядывать розу, и он вдруг увидел, сколько в ней красоты. Она, в свою очередь, восхитилась искренним восхищением, с каким он смотрел на цветок, любовный трепет с новой силой охватил их благодаря бледной розе в ее волосах. Отныне не было более страстного любителя цветов, чем Джо. И он сделал открытие, изобрел новый знак рыцарского внимания: послал Дженьевьеве пучок фиалок. Это была его собственная идея. Он никогда не слышал о том, чтобы мужчины посылали женщинам цветы, до сих пор он думал, что цветы нужны только для украшения комнат да на похоронах. Он чуть ли не ежедневно посылал Дженьевьеве цветы в полном убеждении, что до него такая мысль никому не приходила в голову и это открытие по праву принадлежит ему одному.

Он боготворил Дженьевьеву, благоговел перед ней, и она с неменьшим благоговением принимала его любовь. Для него она была сама чистота, само добро, святая святых, которую страшно оскорбить даже чрезмерным обожанием. Никого равного ей он не знал. Она ничем не походила на других девушек. Ему и в голову не приходило, что она может иметь что-нибудь общее с его сестрами или с чьей-либо сестрой. Она была больше, чем красивая девушка, больше, чем жен-

щина. Она... словом, она была Дженестьева — существо высшей породы, неповторимое чудо творения.

Почти так же смотрела и Дженестьева на своего возлюбленного. Правда, ей случалось в каких-нибудь мелочах осуждать его — в то время как он в своем слепом преклонении никогда не осмеливался даже судить о ней, — но когда она думала о нем, все мелочи забывались и он казался ей совершенством; в нем заключался весь смысл ее жизни, и ради него она готова была умереть, как готова была жить для него. В пылких мечтах она видела себя умирающей, жертвующей жизнью ради него, и своей смертью она выказала бы ему всю силу своей любви, лучше, полнее, чем она могла это сделать в жизни.

Любовь их была как пламя и как утренняя роса. Желаний они почти не знали — это казалось им кощунством. О физической близости, к которой могла бы привести их любовь, они не смели и помыслить. Но их безотчетно влекло друг к другу, они познали радость легкого прикосновения к руке или к плечу, мимолетного рукопожатия, беглого поцелуя, волнующей ласки ее волос на щеке, ее пальцев, откидывающих его кудри со лба. Все это они испытали, и хотя не могли бы объяснить почему, но в этой потребности коснуться друг друга, приласкать друг друга им смутно чудилось что-то греховное.

Иногда Дженестьева хотелось обнять Джо, прижаться к нему, дать полную волю своей любви, но каждый раз ее удерживал благочестивый страх. В такие минуты ее мучило сознание, что в ней гнездится какой-то неведомый ей, но тяжкий грех. Конечно, дурно, очень дурно, что ей хочется броситься на шею своему возлюбленному. Ни одна уважающая себя девушка на это не решится, такие желания недостойны женщины. К тому же, если бы она это сделала, что бы он подумал о ней? Стоило ей только вообразить себе та-

кую ужасную картину, как она внутренне вся съежилась и корчилась, сгорая от тайного стыда.

Но и Джо не избежал непонятных ему порывов, и самым непонятным из них было острое желание причинить Дженеьеве боль. Когда он долгим и извилистым путем завоевал наконец право обнять свою подругу за талию, он только усилием воли заставил себя не сжать ее изо всех сил, так, чтобы она закричала от боли. Жестокая потребность причинить кому-нибудь боль была чужда ему. Даже на ринге он никогда не наносил удара с такой целью: там он был участником Игры, и от него требовалось сделать так, чтобы противник упал и в течение десяти секунд не мог подняться на ноги. Джо никогда не бился только из желания причинить боль. Правда, это оказывалось неизбежным для достижения цели, однако сама цель была иной. Но здесь, сидя рядом с любимой, Джо испытывал желание сделать ей больно. Почему, когда он двумя пальцами охватывал ее запястье, ему хотелось сдавить его так, чтобы хрустнули кости? Этого он не мог понять и сокрушался о том, что где-то в недрах его души таятся жестокие инстинкты, о которых он и не подозревал.

Однажды, прощаясь с ней, он обнял ее и порывисто прижал к себе. Испуганный и жалобный возглас Дженеьевы образумил его, и он разжал руки; ему было очень стыдно, но вопреки стыду его пронизывала дрожь неизъяснимого счастья. То же испытала и Дженеьева. Когда Джо сдавил ее своими сильными руками, первым и самым острым ощущением была физическая боль, но боль эта показалась ей сладостной; и опять она почувствовала раскаяние: она знала, что согрешила, хотя не понимала, чем она грешна и почему считает себя грешницей.

Очень скоро, почти в самом начале их знакомства, старик Силверстайн застал в своей кондитерской Джо

и в изумлении вытаращил на него глаза. А после ухода юноши миссис Силверстайн дала волю своим материнским чувствам и разразилась проклятиями по адресу боксеров вообще и Джо Флеминга в частности. Тщетно Силверстайн пытался унять разгневанную супругу: ведь она только и могла, что излить свой гнев, в удел ей достались все материнские чувства, но материнских прав она не имела.

Дженевьева, ошеломленная потоком брани, лишившись из уст старой еврейки, не вслушивалась в ее обвинения и проклятия — она поняла только одно, и это открытие сразило ее: ее возлюбленный не кто иной, как Джо Флеминг, знаменитый боксер! Это было отвратительно, невыносимо, это было так нелепо, что она отказывалась верить! Ее Джо, с ясными глазами, с нежным румянцем на щеках, мог оказаться кем угодно, но только не боксером. Она никогда не видела этих людей, но в ее представлении между ними и Джо не было решительно ничего общего. Дженевьева всегда думала, что боксер — грубое животное с глазами тигра и низким, как у обезьяны, лбом. Разумеется, она слышала о Джо Флеминге — кто же в Уэст-Окленде не знал его? Но ей никогда не приходило на ум, что это и есть ее Джо.

Когда Дженевьева опомнилась после первого страшного удара, она услышала истерический крик миссис Силверстайн: «Нашла себе компанию — профессиональный боксер!» Потом супруги Силверстайн заспорили: муж говорил, что Джо завоевал громкую славу, а жена возражала, что слава бывает разная — и добрая и дурная.

— Джо — хороший мальчик, — настаивал Силверстайн, — он зарабатывает много денег и бережет их.

— Что ты мне рассказываешь! — кричала миссис Силверстайн. — Много ты знаешь! Уж лучше молчал

бы! Сам бросаешь деньги на этих паршивых боксеров! Откуда ты знаешь, какой он? Нет, ты скажи, откуда?

— А вот знаю, — стойко отвечал старик. Дженева впервые видела, чтобы он осмелился возражать жене, если та разбушуется. — Когда отец его умер, Джо пошел работать на склад к Хэнсену. А в семье, кроме Джо, еще шестеро детей. И мальчик был для них вместо отца. Он работал и работал. И хлеб и мясо им покупал, и за квартиру платил. По субботам приносил домой десять долларов. Потом Хэнсен положил ему двенадцать долларов. И что же делал Джо? Все приносил домой матери. И все работал и работал. Хэнсен положил ему двадцать долларов. Что же делает Джо? Приносит деньги домой. Маленькие братья и сестры ходят в школу, имеют хорошее платье, кушают мясо и хлеб, а мать никаких забот не знает, и в глазах у нее радость, и она гордится своим сыном Джо, потому что он очень хороший мальчик.

А какой он красавец, как сложен! Ах ты, боже ж ты мой! Он сильнее быка, проворней тигра, а голова ясная, холодная как лед, глаза быстрые, всё видят, так и стреляет ими. Он бился с парнями на складе Хэнсена, а потом с парнями из магазина. А потом дрался в клубе и нокаутировал Спайдера — в один момент, раз — и готово! Приз — пять долларов! И что же он сделал? Принес деньги домой и отдал матери.

Он стал часто выступать в клубах; все призы брал: десять долларов, пятьдесят, сто долларов... И что же он сделал, как ты думаешь? Бросил службу у Хэнсена? Начал кутить с приятелями? Ничего подобного! Он хороший мальчик: работает, как работал, а вечером бокс в клубе. И вот он мне говорит. «Силверстайн, — говорит, — чего ради я плачу за квартиру?» Что я ему ответил, это не важно, но он пошел и купил хорошенький домик для своей матери. И все работал и работал

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА. Перевод В. Топер	5
ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ. Перевод Р. Райт-Ковалевой	59
РОЖДЕННАЯ В НОЧИ	
Рожденная в ночи. Перевод Н. Емельянишиковой	143
Безумие Джона Харнеда. Перевод М. Абкиной	162
Когда мир был юным. Перевод Г. Злобина	184
Польза сомнения. Перевод С. Антонова	206
Крылатый шантаж. Перевод С. Антонова	230
Сжатые кулаки. Перевод С. Антонова	242
Война. Перевод Н. Банникова	262
Под палубным тентом. Перевод И. Гуровой	270
Убить человека. Перевод Н. Емельянишиковой	280
Мексиканец. Перевод Н. Ман	297
СИЛА СИЛЬНЫХ	
Сила сильных. Перевод Г. Злобина	333
По ту сторону рва. Перевод М. Абкиной	352
Враг всего мира. Перевод Д. Жукова	376
Мечта Дебса. Перевод Г. Злобина	398
Морской фермер. Перевод С. Заяицкого	425
Сэмюэл. Перевод М. Абкиной	449